

Собачку звали Тотоша. Она была такая маленькая, что ее не боялись даже голуби. Когда Тотоша, забавно гавкая, подбегала к сизарям, те делали вид, что не замечают ее. Но стоило Тотоше потерять бдительность и приблизиться к птицам вплотную, как голуби набрасывались на нее всей стаей и клевали собачонку до тех пор, пока она с жалобным визгом не убегала под защиту хозяйки. Тотоша была девочкой, то есть собачкой женского рода. Назвать такую кроху «сукой» или даже «сучкой» язык не поворачивался. Почему хозяйка Тотоши дала собачке мужское имя, я не знаю.

Голуби в нашем дворе боялись хозяйки Тотоши, старухи Милены. При ее приближении они, как по команде, срывались с места и разлетались кто куда.

— Андрей, — нашептывала мне пенсионерка Маркелова с первого этажа, — правду тебе говорю: у Милены черное сердце, вот голуби и боятся ее.

— Не слушай ты эту старую перечницу! — опровергал Маркелову дядя Вася, крепко пьющий мужик, мой сосед по этажу. — Слышал я от одного знающего человека, что голуби чувят того, кто хоть раз в жизни ел голубиное мясо. Старуха Милена в войну под

немцами была, голодала, вот голуби и боятся ее. Ты, Андрей, попробуй поймай голубя, съешь его, и тебя сизари начнут бояться.

— Спасибо, дядя Вася! — со смехом отвечал я. — У меня зарплаты на нормальную еду хватает.

Старуха Милена жила на первом этаже нашего общежития. Меня она старалась не замечать и здоровалась, только если мы сталкивались на входе или в коридоре общежития. Одевалась Милена непритязательно: длинная однотонная юбка, застегивающаяся наглухо блузка, на голове — старомодный берет. Раз в году, первого сентября, старушка преображалась: надевала свои лучшие вещи и шла в ближайшую школу на «Первый звонок». Там она вставала позади родителей первоклассников и, утирая платочком скупые старческие слезы, слушала приветственные выступления директора школы, учителей и представителей шефских коллективов. Как только мероприятие заканчивалось, Милена возвращалась домой и вновь становилась нелюдимой отшельницей, из всех живых существ на свете любящей только собачку Тотошу.

Первого сентября 1986 года Милену обокрали. Пока она была на школьной линейке, воры забрались к ней в комнату через окно, набили вещами хозяйственную сумку и скрылись, прихватив с собой и Тотошку. В этот день я не был ответственным по райотделу, на место происшествия меня никто не посылал, но, так как кража была совершена в моем общежитии, я не мог остаться безучастным. Отставив все дела, я позвал с собой Айдара и поехал вслед за следственно-опера-

тивной группой. Старуха Милена поджидала меня на крыльце. Едва я подошел к дому, как она бросилась ко мне и упала на колени.

— Андрей Николаевич, Андрюшенька! — заприманила она на глазах у изумленных жильцов. — Христом богом прошу тебя, найди воров! Они ведь Тотошеньку мою унесли, сиротой меня оставили. Андрюша, что хочешь тебе отдам, найди мою доченьку, не дай мне помереть в одиночестве.

Я как мог успокоил старушку и занялся расследованием кражи. Воров мы нашли на другой день. Один из них, Грач, жил в соседнем общежитии, а другой, Жбан, только что освобожден.

— Куда собачку дели? — спросил я Грача.

— В колодец выбросили, — весело ответил молодой воришка. — Там дело вот как было. Хату я высмотрел, а залезть в нее Жбан предложил. Мы дождались, пока старуха уйдет. Я через форточку забрался в комнату, стал складывать вещи, тут собачка подбежала и сама прыгнула в сумку. Я ее выгнал, а она опять в сумку прыгнула. У меня времени возиться с ней не было, и я передал сумку Жбану. По пути собачка начала тявкать, внимание привлекать. Жбан высмотрел открытый колодец и бросил ее туда. Если надо, я покажу где.

— Андрей, ты бы ходил погулял, — предложил мне Иван Горбунов, здоровенный опер под два метра ростом. — Грач нам сказочки рассказывает, себя выгораживает. Ты выйди ненадолго, а мы с ним *по-другому* поговорим, он разом вспомнит, зачем собачонку украл.

— Не-не, не надо! — запротестовал Грач. — Я так расскажу. Нам один хмырь пообещал, что он собачку для своей дочери купит, а когда мы ее принесли, то платить отказался. Жбан психанул и сбросил ее в открытый люк.

— Садизм какой-то, — помрачнел я. — Тотоша как игрушечная была, зачем же ее убивать? Не смогли продать, так отпустили бы.

— Я же говорю, Жбан психанул и бросил ее в колодец. Я тут не при делах, с него весь спрос.

Вечером мне пришлось встретиться со старухой Миленой. Я решил не огорчать ее и сказал, что воры отпустили Тотошу в другом микрорайоне и скоро она обязательно найдется. Не знаю, чем бы эта история закончилась, но все испортил участковый Бирюков, сорокапятилетний майор, всю жизнь проработавший на одном участке. Он по своей инициативе зашел к Милене и рассказал всю правду про Тотошу. Старушка наняла за бутылку соседа, тот спустился в колодец, поднял мертвую собачку. Милена оплакивала ее два дня, потом похоронила на пустыре за гаражами. Ко мне старушка пришла на третий день.

— Андрей Николаевич, вы — лжец, подлый, бесчестный человек, — холодно и жестко заявила она. — Негодяи убили беззащитное существо, а вы, вы...

Милена заплакала и ушла к себе на этаж. Если бы после нее ко мне заглянул Бирюков, я разорвал бы его на куски.

— Проклятый правдолюбец! — рычал я, нарезая круги по комнате. — Из-за него на меня вся общага теперь будет косо смотреть. Никто же не станет

разбираться, в чем я виноват. Станут за моей спиной перешептываться: «Из-за него Тотоша погибла. Нашли бы воров в тот же день, жива была бы собачонка».

Утром после развода я спустился в кабинет к участковым инспекторам милиции.

— Валерий Петрович, — обратился я к Бирюкову, — объясните, из каких побуждений вы решили вмешаться в проведение следственных действий? Кто вам позволил разглашать потерпевшей показания подозреваемых?

— Мне, чтобы работать с населением на участке, разрешения никакого не требуется, — высокомерно ответил Бирюков. — Тем более перед тобой, заместителем начальника уголовного розыска, я отчитываться не собираюсь.

— Валерий Петрович, вы не забыли, что потерпевшая со мной в одном общежитии живет? Как я теперь ей в глаза смотреть буду? Я ведь не просто так от Милены скрыл, что ее собачку убили. Это животное было для старушки дороже всего на свете.

— Дороже всего на свете — правда, — парировал участковый. — Она меня спросила, когда найдут собачку, я ответил, что искать уже некого. Я что, врать ей должен был?

Еле сдерживая себя от злости, я не стал спорить и ушел к себе.

Вечером того же дня старуху Милену нашли повешенной у себя в комнате. Мудрить с петлей у потолка она не стала — накинула веревку на трубу отопления и присела на пол в последний раз.

Прошла еще пара дней, и между мной и Бирюковым вновь вспыхнул спор.

— Ты намекаешь, что старушка вздернулась из-за меня? — начал заводиться участковый. — Да плевать я на нее, тварь, хотел! Ты знаешь, что она из дворян? Ее родители до революции помещиками были.

Я, не задумываясь, ответил:

— По нынешним временам дворянское происхождение скорее плюс в биографии, чем позорное пятно. Нынче каждый у себя дворянские корни ищет.

— Ах, так? — покраснел Бирюков. — Дворяне, значит, это хорошо? А в фашистских холуях ходить тоже не зазорно? Муж у Милены полицаем был! Как только немцы пришли, так он тут же повязку на руку нацепил и стал гитлеровцам прислуживать.

— А Милена чем занималась?

— В начальной школе учительницей работала. Немцы не стали школы закрывать, вот она и старалась...

Бирюков сбился с мысли и замолчал, не зная, как найти связь между работой в школе и пособничеством оккупантам.

— Валерий Петрович, как я понял, сама Милена в полиции не служила, подпольщиков не разоблачала, так в чем ее вина? В том, что мужу-полицаяу портянки стирала и щи варила?

— Это еще не все! — воспрянул духом участковый. — После того, как партизаны ее мужа казнили, у Милены в доме немецкий офицер жил. Она, тварь, подстилка гитлеровская, его по ночам ублажала, а ты за нее заступаешься!

— Я, Валерий Петрович, тоже кое-какие справки навел. Милена после войны десять лет отсидела за пособничество нацистам, так что она свою вину искупила.

— Никогда это фашистское отродье свою вину не искупит! Пока наши отцы и деды на фронтах гибли, она немцам тыл обеспечивала. Нет ей прощения, и не будет! Ее после войны расстрелять надо было, а она всего десяткой отделалась. Будь моя воля, я бы их, фашистских прихвостней, сам лично всех под корень извел.

— Валерий Петрович, кто вам не давал получить в дежурной части пистолет и застрелить Милену или вы только на словах герой? Я да я! На словах все гораздо, а как дело коснется, так сразу же отговорки находят.

— Что ты сказал? Повтори! — едва сдерживая ярость, потребовал Бирюков.

— А то и сказал! Муж ее перед войной наверняка себя в грудь бил: «Пусть немцы только сунутся, я первый в окопы пойду!» А как грянул гром, так он не в Красную армию записываться побежал, а к немцам в комендатуру. Я давно заметил: кто на словах герой, тот в экстремальной ситуации — первый трус. И еще! Нечего к памяти героев взывать. Это они, наши деды, воевали, а не мы, и на нас отблеска их победы нет.

— погоди, дружок, — как кобра перед броском напрягся участковый. — Ты что же, хочешь сказать, что я при немцах пошел бы в полицаи? Я так этого не оставлю! Завтра же ты ответишь за свои слова перед судом офицерской чести.

Свидетелями моего спора с Бирюковым были два участковых и Айдар. Они подтвердили, что я вел себя

корректно и не обвинял Валерия Петровича в готовности сотрудничать с нацистами. Точку в нашем противостоянии поручили поставить замполиту отдела. Он вызвал меня на беседу и по-дружески сказал:

— Нашел с кем связываться! У Бирюкова давно уже с психикой проблемы. Он живет в своем, вымышленном мире, где его слово — закон. На днях я разобрал его конфликт со следователем Яковлевой. Она ему говорит: «Перепишите характеристику на обвиняемого. Вы указываете, что он наркоман, а этого человека с наркотиками не задерживали и в состоянии наркотического опьянения в медвытрезвитель не доставляли». Бирюков уперся: «Ничего переписывать не буду! Я считаю, что он наркоман, значит, так оно и есть».

— Спихнули бы вы его куда-нибудь, от греха подалее, — посоветовал я.

— Пробовали! — засмеялся замполит. — Он даже на повышение идти не хочет. Говорит, что прикипел душой к своему участку. Оно и понятно. Он идет по району, к нему все жалобщики слетаются, как мухи на мед. У всех старух он в авторитете. Маленький царек, а тут ты со своей собачкой! Нашел из-за чего конфликт раздувать.

— Дело же не в собачке, а в принципе! — возмутился я. — Старуха Милена за свои грехи отсидела, значит, свою вину искупила. Если Бирюков такой правдолюбец, то пусть признается, что он относился к покойнице предвзято. Она, наверное, ему при встрече в ноги не кланялась, вот он и невзлюбил ее.

— Хватит! — приказал замполит. — С Бирюковым больше не спорить, на тему войны не говорить. И во-

обще о войне ни с кем не говори, а то не так поймут, не отмоешься потом.

— А как же перестройка, гласность?

— Гласность — это то, что в газетах напечатано, а свое мнение при себе оставь.

Не добившись проведения надо мной суда офицерской чести, участковый пошел на прием к парторгу отдела, но попал под горячую руку: парторгу с утра накрутили хвост — указали в райкоме партии на отсутствие самокритики в наглядной агитации.

— В стране гласность, самокритика, а у вас об этом даже строчки в стенгазете нет, — корил парторга секретарь райкома. — В вашем отделе что, нет недостатков? Вы что, все преступления раскрыли и с уличным хулиганством покончили? Вам не кажется, что вы вместо ускорения сбавили темп в воспитательной работе? Активизируйтесь, принимайте меры, иначе меры примем мы к вам.

— Этот Лаптев, он клеветник... — начал участковый.

— Что ты мне горбатого лепишь! — не стал дослушивать его парторг. — Если сейчас каждый начнет в прошлом ковыряться и выискивать, кто и чем во времена оккупации занимался, это знаешь к чему может привести? Партия учит нас: отсидел человек за совершенное преступление, искупил свою вину добросовестным трудом — значит, стал полноценным членом общества. Ты глаза, Валерий Петрович, протри! На дворе перестройка, а ты с молодежью собачишься, политические диспуты устраиваешь. Как самый опытный участковый, как наставник, ты дол-

жен показывать пример в служебной деятельности, а ты по архивам лазаешь, компромат на старух собираешь.

— Я же не из праздного любопытства в архив полез, — обиделся Бирюков. — Я изучал личность подозрительной гражданки, проживающей на моем участке.

— Даже так? — «удивился» парторг. — Какая, однако, бдительность! На старушку жильцы не жаловались, матом она не ругалась, а ты ее личность изучал, за порядок на вверенном участке переживал? Ну что же, поговорим об участке. Вот жалоба гражданки Систеровой. Ее муж-алкоголик уже полгода семью терроризирует, все из дома пропил, а ты и ухом не ведешь! В чем дело?

— Я не могу его в ЛТП оформить, — насутился Бирюков. — Очередь не подошла.

— Какие меры ты принял, чтобы очередь ускорить? Никаких? Иди, Валерий Петрович, и напиши объяснение на имя начальника отдела. Я на твое бездействие отреагирую по партийной линии.

После беседы с парторгом Бирюков притих, о конфликте, вызванном маленькой собачкой Тотошей, больше не вспоминал. Я бы тоже о нем забыл, но слова участкового о главенстве правды над здравым смыслом запали мне в душу, и я решил, что при случае припомню Валерию Петровичу, как он меня правдолюбию учил. Случай не заставил себя ждать, но ударил он не по участковому, а по его родственникам, причем с совершенно неожиданной стороны.

В милиции есть два плановых мероприятия, в которых принимает участие весь личный состав, не взирая на должности и звания, — это Первомайская и Ноябрьская демонстрации. 7 ноября 1986 года мне выпало стоять в оцеплении, контролировать прохождение колонн трудящихся по главному проспекту города к площади Советов.

Промерзнув на демонстрации, я вернулся в отдел, просмотрел в дежурной части сводки происшествий за сутки. Ничего существенного. Перед праздником всегда наступает затишье, преступления начинают сыпаться вечером в праздничный день и продолжаются всю ночь до утра. Если на следующий после праздника день выпадает выходной, то пик преступности приходится на него. В этом году после 7 ноября было сразу два выходных дня — суббота и воскресенье. Чтобы в затянувшиеся праздники быть в постоянной готовности, начальник ОУР Васильев распределил дежурства по отделу. Себе он отвел самый лучший день — воскресенье. В последний день недели народ, уставший за два дня пьянства, будет находиться в полусонном состоянии, кривая преступности стремительно пойдет вниз, к минимальным значениям. 7 ноября дежурить он поставил Шкляра — своего второго заместителя, мужчину немолодого, грузного, неинициативного. Мне же начальник отвел самый трудный день — субботу.

«Из трех праздничных дней я смогу отдохнуть только один, разбитый на две части, — размышлял я. — Сегодня полдня уже пропало, завтра дежурить,